Ганс Христиан Андерсен

Пейтер, Петер и Пер

Удивительно, как хорошо разбираются во всем нынешние дети! Трудно сказать, чего только они не знают! Старую сказку о том, как аист нашел их в колодце или в мельничном пруду и принес папе с мамой, они и слушать не хотят, а между тем сказка эта — истинная правда.
Вот только вопрос — откуда дети берутся в колодцах или в мельничных прудах? Не всякий на это ответит, но кое-кому и это известно. Если ты внимательно глядел на небо в звездную ночь, то, конечно, видел множество падающих звезд. Кажется, будто звезды скатываются с неба и исчезают. Самые ученые люди не могут объяснить того, чего не понимают, но если знаешь, в чем дело, объяснить нетрудно. Звезды падают с неба, как маленькие елочные свечки, и гаснут; это искры божьи, что летят вниз, на землю. Как только они попадают в наш густой, плотный воздух, сияние их меркнет, и наши глаза перестают различать их, потому что они нежнее и воздушнее самого воздуха. Теперь это уже не звезда, не искра, а небесное дитя, маленький ангел без крыльев, которому предстоит превратиться в человека. Тихо скользит он по воздуху, ветер подхватывает его и опускает в чашечку цветка — то в ночную фиалку, то в одуванчик, то в розу, а то в гвоздику. Там дитя лежит и набирается сил. Оно такое легкое и воздушное, что муха может унести его на своих крыльях, а пчела и подавно. И те и другие так и вьются над цветком в поисках сладкого нектара. Если воздушное дитя им и мешает, то столкнуть его на землю они все равно не решаются, а переносят его на большие круглые листья кувшинок и оставляют лежать на солнышке. Малыш потихоньку сползает с листа в воду, дремлет там и все растет, растет, пока не станет таким большим, что аист увидит его, выловит и принесет людям, в какую-нибудь семью, где уже давно мечтают иметь такого милого ребенка. Вот только будет он милым или нет, зависит от воды. Хорошо, если вода в колодце, где он лежал, была чистая, но бывает, что малютка наглотается тины и грязи, и тогда добра не жди, Аист ведь хватает первого, кто попадет на глаза, не разбирая. И разносит детей, куда придется: один может попасть в хорошую семью, к безупречным родителям, другой — к людям грубым и таким несчастным, что лучше бы аист вовсе не вытаскивал малыша из пруда.
Дети больше не помнят, как они дремали под листом кувшинки, как лягушки по вечерам пели им хором «Ква-ква-ква!», что по-нашему означает: «Спите крепко, пусть вам приснятся хорошие сны!» Не помнят дети и о цветке, в который упали с неба, не помнят даже его запаха, и все-таки, когда они становятся взрослыми, что-то заставляет их выбирать себе любимый цветок, как раз тот, где они лежали, прилетев на землю.
Аист живет до глубокой старости, но не забывает о малышах, которых приносил людям, он следит за ними, узнает, как им живется. Правда, изменить их жизнь не в его власти, да и помочь им он ничем не может — у него и со своими детьми забот хватает. Но из головы его эти малыши не выходят.
Я знаком с одним старым, умудренным опытом аистом, очень почтенным. Он наносил людям уже множество детей, о каждом из них может рассказать целую историю, и в каждой будет немного тины и грязи из мельничного пруда. Я попросил его рассказать хоть об одном из этих младенцев, а он преподнес мне не одну, а целых три истории, и все о семье Петерсенов.
Прекрасное это было семейство. Глава семьи был одним из тридцати двух отцов города, а это большая честь. И самому ему как раз исполнилось тридцать два. Тут-то и появился аист и принес маленького Пейтера — так назвали мальчика. На следующий год аист принес еще одного ребенка, ему дали имя Петер, а когда аист прилетел с третьим, его нарекли Пером, потому что имена Пейтер, Петер и Пер очень подходят к фамилии Петерсен.
Вот и стали расти три брата, три небесные искры. Каждый из них вырос в своем цветке, каждый

дремал под своим листом кувшинки в мельничном пруду, пока аист не принес его в семью Петерсенов, что живет на углу. Ну, да ты и сам прекрасно знаешь их дом.
Братья росли, умнели и мечтали сделаться кем-нибудь поважнее, чем их отец.
Пейтер мечтал стать разбойником. Он посмотрел в театре «Фра-Дьяволо» и решил, что разбойничье дело самое приятное на свете. Петер хотел стать жестянщиком и целый день греметь железом: то-то будет музыка! А Пер был примерный, тихий мальчик, пухлый и румяный. Он, правда, грыз ногти, но это был его единственный недостаток. Пер мечтал сделаться «как папа». Так они все отвечали, когда их кто-нибудь спрашивал, кем они собираются стать, когда вырастут.
Пошли они в школу. Один стал первым учеником, другой — последним, а третий — середка на половинку. Но разве в отметках дело? Все равно все трое были умными, прекрасными мальчиками — так по крайней мере утверждали их весьма образованные родители.
Братья ходили на детские праздники, покуривали, когда никто не видел, набирались ума-разума.
Пейтер с малолетства был упрям, как и подобает будущему разбойнику. Он был ужасно непослушный, но мать говорила, что это от глистов, которые его мучают. У всех непослушных детей глисты, виной тому тина в желудке! Скоро мать испытала на своем новом платье, до чего он строптив и непокорен.
— Не толкни стол, ягненочек! — сказала она. — Опрокинешь сливки и посадишь пятно на мое новое платье.
Тут «ягненочек» спокойно поднял молочник и преспокойно вылил сливки прямо матери на колени. Она только приговаривала:
— Ягненочек, милый, что с тобой? Опомнись!
Но ей пришлось признать, что у ребенка есть воля. А воля свидетельствует о твердости характера, что очень приятно для матери.
Пейтер вполне мог стать разбойником, но получилось не совсем так. С виду-то он был настоящий разбойник: волосы длинные, лохматые, шея голая, шляпа нахлобучена на самый нос. Так одеваются художники, он и хотел стать художником, только дальше костюма дело не пошло. Все, кого он рисовал, выходили похожими на мальву, такие же длинные, тощие. Он и сам был в точности мальва. Понятно, что он так любил этот цветок, сказал аист, ведь мальва была его колыбелью.
Петера же нашли в цветке масличного дерева. Губы у него так и блестели, как намасленные, желтая кожа лоснилась; казалось, ущипни его за щеку, масло так и брызнет. Ему бы торговать маслом, сам себе служил бы рекламой. Но в душе он как был, так и остался жестянщиком: один из всего семейства Петерсенов он пошел по музыкальной части.
— И слава богу, что один старается за всех, — говорили соседи.
За неделю он мог состряпать семнадцать полек, а из них слатать оперу с лязгом и скрежетом. Опера получалась хоть куда!
Пер был белолиц и розовощек, ростом невелик и ничем не выделялся — ведь его баюкала скромная ромашка. Если его били другие мальчишки, он никогда не давал сдачи. Он говорил, что он самый разумный, а разумные всегда уступают. Сначала он коллекционировал грифели, потом почтовые штемпели, а потом обзавелся уголком натуралиста, где хранился скелет корюшки, три слепых крысенка в банке со спиртом и чучело крота. Пера влекло к наукам, да и природу он чувствовал. А как это было приятно и ему самому и его родителям! Пер охотнее ходил в лес, чем в школу, предпочитал естественность строгому воспитанию. Его братья уже были помолвлены, а он все еще мечтал только об одном, как бы довести до совершенства свою коллекцию — он собирал яйца водоплавающих птиц. Животных он знал гораздо лучше, чем людей, и даже считал, что звери далеко опередили человека в самом святом — в любви. Пер заметил, что пока соловьиха-мать

сидит на яйцах, соловей-отец всю ночь напролет поет для своей любимой подруги, и какие трели выводит! Перу ни за что бы так не спеть, и пробовать не стоит. А аисты? Когда аистиха с аистятами сидит в гнезде, аист-отец всю ночь охраняет их, стоя на одной ноге. Да Перу так и часу не простоять! А после того, как он однажды хорошенько рассмотрел паутину, сплетенную пауком, он навсегда оставил мысли о браке. Господин паук без устали трудится над своей паутиной, ловит в нее беззаботных мух, молодых и старых, тощих и налитых кровью. Он для того и живет, чтобы плести свои сети и обеспечивать семейство пропитанием. А мадам паучиха живет только для дорогого мужа. Она так любит супруга, что пожирает его живьем, с головой, сердцем и желудком, только длинные, тонкие ноги остаются торчать в паутине, которую он плел на радость своей семье. Вот вам правдивая история из жизни животных! Пер понаблюдал все это и решил: «Вот это любовь! Как надо страстно любить, чтобы проглотить собственного мужа со всеми потрохами! Нет, люди так далеко не заходят, да и нужно ли это?»

И Пер дал себе слово никогда не жениться, никогда никого не целовать и самому не получать поцелуев, ведь поцелуй — это первый шаг к брачным узам. И все же одного поцелуя ему избежать не удалось, он достается нам всем рано или поздно — долгий поцелуй смерти. Поживет человек на земле, и смерть получает приказ: «Поцелуй его!» — и человек погиб. С неба блеснет луч света, да такой яркий, что у человека темнеет в глазах. И душа человека, некогда звездочкой упавшая на землю, снова устремляется вверх, на небо. Больше ей не качаться в чашечке цветка, не дремать под листом кувшинки. Ее ждут дела поважней. Она уносится в великую страну вечности. А какова эта страна, где она и что в ней, никто не знает. Никто ее не видел, даже аист, хоть у него глаза зоркие и он знает все на свете. Поэтому и о Пере ему больше ничего не известно, а вот о Пейтере и Петере он мог бы порассказать, но я о них вдоволь наслушался, да и ты, наверно, тоже. И я вежливо поблагодарил аиста и сказал, что на этот раз с меня хватит. А он за эту короткую историю, в которой к тому же нет ничего особенного, требует с меня трех лягушек и одного ужонка. Он, видите ли, принимает плату съестными припасами. Ну как, ты согласен с ним расплатиться? Я — нет! У меня нет ни ужей, ни лягушек.